

**Полное собрание сочинений
Леонида Андреева**

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П51

П51 Полное собрание сочинений Леонида Андреева: Том 5 / – М.: Книга по Тре-
бованию, 2015. – 255 с.

ISBN 978-5-458-31910-2

ISBN 978-5-458-31910-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

винщи она вѣрнѣе сохранить сына, нежели въ большомъ, торопливомъ и развращенномъ городѣ.

Пріятный, нисколько не измѣнившійся Н. не обманулъ надеждъ и съ готовностью покрылъ ихъ своей ненарушимой тишиной. Пересталъ быть страшнымъ и Саша: въ своей мирной гимназической одеждѣ, безъ этихъ ужасныхъ погонь, онъ сталъ самымъ обыкновеннымъ мальчуганомъ; и отъ души было пріятно смотрѣть на его большой пузатый ранецъ и длинное до пятокъ ватное пальто. Какъ это ни странно, но, кажется, ни одна гадалка, ни одинъ прорицатель не могли бы такъ успокоить Елену Петровну, какъ это длинное не по росту, ватное, точно накрахмаленное пальто; взглянуть изъ окна, какъ плетется Саша по немощеной улицѣ, еле двигаетъ глубокими галошами, подгибая ватныя твердыя фалды, и улыбнется:

«А я-то боялась... Какіе же могутъ быть ужасы? Вотъ бы посмотрѣлъ генералъ!»

Теперь ей казалось, будто и генералъ — какъ она и послѣ смерти называла мужа — раздѣлялъ ея страхи, хотя въ дѣйствительности онъ не дослушалъ ни одной ея фразы, которая начиналась словами: «я боюсь, генералъ...».

— А ты не бойся! — говорилъ онъ строго и отбивалъ охоту къ тѣмъ смутнымъ, женскимъ изліяніямъ, въ которыхъ страхъ и есть главное очарованіе и радость

Были и еще минуты радостнаго покоя, тихой увѣренности, что жизнь пройдетъ хорошо и никакіе ужасы не коснутся любимаго сердца: это когда Саша и сестренка Линочка ссорились изъ-за переводныхъ картинокъ или вопроса, большій дождь былъ или маленькій, и бываютъ ли дожди больше этого. Слыша за перегородкой ихъ взволнованные голоса, мать тихо улыбалась и молилась какъ будто не выполнѣвъ въ соотвѣтствіи съ моментомъ: Господи, сдѣлай, чтобы всегда было такъ!

Но ссорились дѣти очень рѣдко, были нѣжно влюблены другъ въ друга, цѣлые дни проводили въ тихой влюбленности. Когда-то сильная любовь отца и матери вторично переживала себя въ нихъ — но уже лишена матеріальности, ставшая лишь отзвукомъ отдаленнымъ, прекраснымъ и чистымъ. И такъ странно перемѣшались черты: Линочка всѣмъ вѣншиимъ обликомъ своимъ и характеромъ повторяла отца-генерала; крѣпкая, толстенькая, съ румянымъ, круглымъ, весело-возбужденнымъ лицомъ и сильнымъ, командирскимъ голосомъ — была она вспыльчива, добра, въ страстяхъ своихъ неупорядочена, въ любви требовательна и ясна. Если она плакала, то это не были тихія слезы въ уголокъ, а громкій на весь домъ, побѣдоносный ревъ; и умолкала сразу и сразу же переходила въ тихую, но неупорядоченную.

жимо-страстную лирику или въ отчаянно-веселый смѣхъ. Была ли она радостна, гнѣвна или печальна — объ этомъ значи всё. Но у генерала, на котораго она такъ походила, при всѣхъ его достоинствахъ, не было никакихъ талантовъ, — Линочка же вся была прожжена, какъ огнемъ, яркой и смѣлой талантливостью. Возьметъ въ толстенькіе, короткіе пальчики карандашъ—бумага оживаетъ и смѣется; положить тѣ же коротенькіе пальчики на клавиши: старый рояль съ пожелтѣвшими зубами вдругъ помолодѣлъ, поетъ, весело завирается; а то сама выдумаетъ страшную сказку, сочинить веселый анекдотъ.

Рядомъ съ нею молчаливый Саша казался непримѣтнымъ и даже блѣднымъ. Лицомъ своимъ онъ и дѣйствительно былъ блѣденъ и смуглъ, этимъ, какъ и всѣмъ остальнымъ, походя на Елену Петровну: по матери своей Елена Петровна была гречанкой, лицо имѣла смуглое и тонкое, глаза большіе, темныя, иконописныя—точно обведенные перегорѣвшимъ, но еще горячимъ, коричнево-чернымъ пепломъ. Такіе же глаза были и у Саши, а смуглостью своею онъ удивлялъ даже и мать: лицо еще терпимо, а начнетъ мѣнять рубашку — смотрѣтъ смѣшно и странно, точно и не сынъ, а совсѣмъ чужой и далекій человекъ. Удивляло это; а что еще удивляло и даже до глубины души огорчало Елену Петровну—это полное, казалось, отсутствіе талантливости, прискорбное сходство съ генераломъ. Первое время ихней жизни въ Н., когда Елена Петровна всѣми силами стремилась установить въ своей жизни культъ красоты, эта Сашина бездарность казалась ей ужаснымъ горемъ, даже оскорбляла ее, точно ее самоё лишили талантовъ или сказали, что она въ своей талантливости ошибается и нѣтъ ея совсѣмъ.

— Ахъ, Саша, хоть бы у тебя слухъ былъ, а то и слуха нѣтъ!—несправедливо упрекала она сына и, чувствуя несправедливость, еще увеличивала ее:—смотри, какъ играетъ Линочка.

А Линочка всплескивала руками и въ бурномъ отчаяніи стонала:

— Да и не говори же, родная моя мамочка! У него слуху, какъ у этой тумбы, нѣтъ на копейку. Учу я его, учу, а онъ даже собачьяго вальса не знаетъ!

— Собачій вальсъ я знаю, — серьезно говорилъ Саша, не поднимая темныхъ, жутко обведенныхъ глазъ.

— Сашка! не зли меня, пожалуйста; подъ твой вальсъ ни одна собака танцовать не станетъ!—волновалась Линочка и вдругъ все свое негодование и страсть переносила на мать:—Только ты напрасно, мама, ругаешь Сашеньку, это ужасно—

онъ любитъ музыку, онъ только самъ не можетъ, а когда ты играешь эту твою тренди-бренди, онъ тебя слушаетъ такъ, какъ будто ты ангельскій хоръ! Мнѣ даже смѣшно, а онъ слушаетъ. Ты еще такого слушателя пощи! За такого слушателя ты Бога благодарить должна!

— Ну, понесла! — радовалась упрекамъ Елена Петровна, чуть-чуть краснѣя отъ удовольствія.

При всѣхъ своихъ талантахъ она сама была въ музыкѣ горестно бездарна и за всю свою жизнь только и научилась играть, что «тренди-бренди» — случайный, переименованный отрывокъ изъ невѣдомой пьесы, коротенькую вещицу, наивную и трогательную, какъ дѣтскій первый сонъ. И то, что этотъ странный Саша такъ любитъ эту вещицу, постоянно требуетъ ея, льстило ей, а въ неприязнательности звуковъ заставляло угадывать какой-то новый смыслъ, непонятную значительность. А для обреченнаго Саши, когда вступилъ онъ въ череду страшныхъ событій и позналъ ужасъ одиночества, эта песенка стала какъ бы молитвой, источникомъ чистой печали, тихой скорби о навѣки утраченномъ.

Но, какъ видятъ глазъ сперва то, что на солнцѣ, а потомъ съ изумленіемъ и радостью обрѣтаетъ въ тѣни сокровище и кладъ, — такъ и Линочкина яркая талантливость только при первомъ знакомствѣ и на первые часы дѣлала Сашу непримѣтнымъ. И мѣнялось все съ той именно минуты, какъ увидитъ человекъ Сашины глаза, — тогда вдругъ и голосъ его услышитъ, а то и голоса не слыжалъ, и почувствуетъ особую значительность самыхъ простыхъ словъ его, и вдругъ неожиданно заключить: а что такое талантъ? — да и нуженъ ли талантъ? Но неохотно открывалъ Саша свой взглядъ, какъ будто зная важность и святость хранящейся въ немъ тайны, обычно смотрѣлъ внизъ, на столъ или на руки. Эту его особенность хорошо знала Елена Петровна и въ материнской гордости, чтобы не дать гостю несправедливо подумать о Сашѣ, заставляла его взглянуть широко и прямо.

Вдругъ неожиданно спрашивала:

— Голова не болитъ у тебя, Сашенька?

Знала, что послѣ этого неожиданнаго и нелѣпаго-таки вопроса Саша непременно взглянетъ широко открытыми глазами, нѣсколько секундъ будетъ смотрѣть удивленно, а потомъ открыто и ясно улыбнется:

— Отчего же ей болѣть? — нѣтъ, не болитъ.

И знала, что послѣ этого взгляда и улыбки гость обязательно подумаетъ: «какой у нея хорошій сынъ!», а вскорѣ, уйдя изъ-подъ Линочкиныхъ чаръ, подсядетъ къ Сашѣ и начнетъ его допытывать, и не допытаетъ ничего, и за это еще

больше полюбить Сашу, и, уходя, уже въ прихожей, непремѣнно скажетъ Еленѣ Петровнѣ:

— Какія у васъ хорошія дѣти, Елена Петровна!

— Да, славныя ребятки!—спокойно отвѣтитъ она и нарочно запуститъ сухую, но ласковую руку въ Линочкины русыя кудряшки, прижметъ къ себѣ ея горячую, красную щеку; и этимъ мнимымъ непониманіемъ окончательно добьетъ провиннившагося и жалкаго гостя.

Но Линочка и сама раздѣляетъ чувство матери и, ласкаясь, смотреть на глупаго гостя съ явной насмѣшкой и страстно думать: «вотъ дуракъ!». А потомъ, прощаясь съ братомъ на ночь, шепчетъ ему громкимъ на весь домъ шопотомъ:

— Она тобою гордится!—И еще громче:—Я тоже!

«Она» между дѣтьми называлась мать, а покойный и наполовину забытый отецъ назывался, по примѣру матери, «генераломъ».

3. Наставникъ мудрый.

Взаимной влюбленности дѣтей, какъ и проявленію въ нихъ всего добраго, очень помогала та жизнь, которую съ первыхъ же дней пребыванія въ Н. устроила Елена Петровна. Труднѣе всего вначалѣ было найти въ городѣ хорошую квартиру, и цѣлый годъ были неудачи, пока черезъ знакомыхъ не попалось сокровище: особнячокъ въ пять комнатъ въ огромномъ, многодесятильномъ саду, чуть ли не паркѣ: липы въ петербургскомъ Лѣтнемъ саду вспоминались съ ироніей, когда надъ самой головой раскидывались мощныя шатры такой зеленой глубины и непроницаемости, что невольно вспоминалась только-что выученная исторія о патриархѣ Авраамѣ: какъ встрѣчаетъ подъ дубомъ Господа.

А въ осеннія темныя ночи ихъ ровный гулъ наполнялъ всю землю и давалъ чувство такой шири, словно стѣнъ не было совсѣмъ и отъ самой постели, въ темнотѣ, начиналась огромная Россія. Даже Линочка въ такія ночи не сразу засыпала и, громко жалуясь на бессонницу, вздыхала, а Саша, приходилось, слушалъ до тѣхъ поръ, пока вмѣсто сна не являлось къ нему другое, чудеснѣйшее: будто его тѣло совсѣмъ исчезло, растаяло, а душа растетъ вмѣстѣ съ гуломъ, ширится, плыветъ надъ темными вершинами и покрываетъ всю землю, и эта земля есть Россія. И приходило тогда чувство такого великаго покоя и необъятнаго счастья и неизъяснимой печали, что обычный сонъ съ его нелѣпыми грезами, досаднымъ повтореніемъ крохотнаго дня, казался утомленіемъ и скукой.

Первое время петербургскія дѣти боялись сада, не рѣшались заходить въ глубину; и особенно пугала ихъ нѣкая недоконченная постройка въ саду, кирпичный остовъ, пустоглазый покойникъ, который не то еще не жилъ совсѣмъ, не то давно умеръ, но не уходитъ. Весь онъ проросъ бурьяномъ, крапивой и красными цвѣтами, а въ одной изъ беззащитныхъ комнатъ, гдѣ должны были жить люди, спокойно зеленѣла березка—хоронила кого-то. Но прошло время, и къ саду привыкли, полюбили его крѣпко, узнали каждый уголъ, глухую заросль, таинственную тѣнь; но удивительно! — отъ того, что узнавали, не терялась таинственность и страхъ не проходилъ, только вмѣсто боли сталъ радостью: страшно—значить хорошо. И у каждого изъ дѣтей уже появилось свое любимое тихое мѣстечко, недоступное и защищенное, какъ крѣпость; только у дѣвочки Линочки ея крѣпости шли по низамъ, подъ кустами, а у мальчика Саши—по деревьямъ, на высотѣ, въ уютныхъ извивахъ толстыхъ вѣтвей. Ходили другъ къ другу въ гости, и Линочка ужасалась.

И о чемъ бы ни задумывались дѣти, какими бы волненіями ни волновались,—начала всѣхъ мыслей и всѣхъ волненій брались въ саду, и тамъ же терялись концы: точно наставникъ мудрый, источающій знаніе глубокими морщинами и многодумнымъ взоромъ, училъ онъ дѣтей молчаніемъ и строгостью вида. Безъ него, пожалуй, не узналъ бы Саша такъ хорошо, ни чтó такое Россія, ни чтó такое дорога съ ея чудеснымъ очарованіемъ и манящей далью. И если Россію онъ почувствовалъ въ ночномъ гулѣ мощныхъ деревъ, то и къ откровенію дороги привелъ все тотъ же садъ, привелъ неумышленно, играя, какъ дѣлаютъ мудрые: просто взлѣзъ однажды Саша на заборъ въ дальнемъ углу, куда никогда еще не ходилъ, и вдругъ увидѣлъ—дорогу. Двѣ стѣны ветхаго забора и свѣсившихся деревъ, а посрединѣ двѣ теплыя, пыльныя, пробитыя въ ползучей травѣ колеи идутъ далеко, зовутъ съ собою. И никого живого—тишина въ глухой улочкѣ: то ли уже проѣхалъ, то ли еще проѣдетъ. И какъ Саша ни старался, такъ и не удалось ему поймать невѣдомаго, который проѣзжаетъ, оставляя двѣ теплыя колеи; когда ни взлѣзетъ на заборъ,—на улочкѣ пусто, тишина, а колеи горятъ: то ли уже проѣхалъ, то ли еще проѣдетъ. Такъ и не увидаль невѣдомаго и оттого свято повѣрилъ въ дорогу, душою принялъ ея нѣмой призывъ; и впоследствии, когда развернулись передъ Сашей всѣ тихіе проселки, неторопливые большаки и стремительныя шоссе, сверкающія бѣлизною, то уже знала душа ихъ печальную сладость и радовалась какъ бы возвращенному.

Радовалась саду и Елена Петровна, но не умѣла по возрасту оцѣнить его тайную силу и думала главнымъ образомъ о пользѣ для здоровья дѣтей; для души же ихней своими руками захотѣла создать красоту, которой такъ больно не хватало въ прежней жизни съ генераломъ. Начала съ утверждения, что красота есть чистота, — и что же она дѣлала для чистоты! Знала она, что всѣ дѣти любятъ грязь, и прямо, какъ умная, съ грѣшной страстью не боролась, но мыла дѣтей немилосердно, шлифовала ихъ, какъ алмазы, и таки-пріучила: самостоятельно два раза, утромъ и вечеромъ, вытираться холодной водой, — уже они и сами не могли безъ этого обходиться. И, не любя животныхъ, кошку даже съ котятami терпѣла только за то, что она всегда чиста и умывается. Говорила:

— Смотри Линочка! — съ Линочкой ей было много труда: — смотри: и гдѣ только сегодня она ни была, сейчасъ послѣ дождя бѣжала по двору, а какая чистая! Оттого, что умывается.

А кошка съ темнымъ прошлымъ мерцала загадочно желтыми глазами, жила еще въ прошломъ; но вдругъ опомнилась и начала свой длительный и пріятный обрядъ.

И всю квартиру свою Елена Петровна привела къ той же строжайшей чистотѣ, сдѣлала ее первымъ закономъ новой жизни; и все радовалась, что нѣтъ денщиковъ, съ которыми никакая чистота невозможна. Потомъ занялась красотой вещей. Со вкусомъ, составлявшимъ неразрѣшимую загадку для захоластнаго Н., вдругъ измѣнила обычный обликъ всѣхъ предметовъ, словно надышала въ нихъ красотой; нарушила древнія соотношенія, и тамъ, гдѣ челоуѣкъ наследственно привыкъ наткаться на стулъ, оставила радостную пустоту. Сама расшила занавѣси на окнахъ и дверяхъ, подобрала у оконъ цвѣты, протянула по стѣнамъ крашеную холстину — что-то зажелтѣло, какъ солнечный лучъ, а тамъ ушло въ мягкую синеву, прорвалось краснымъ и радостно ослѣпило. Наружу зима, а въ комнаткахъ весна и осень, цвѣты цвѣтутъ, и на блестящемъ полу, золотыхъ пятнахъ солнечныхъ, хочется играть, какъ котенку.

И всѣмъ, кто видѣлъ, нравилось жилище Погодиныхъ; для дѣтей же оно было родное и оттого еще красивѣе, еще дороже. И если старый садъ училъ ихъ Божьей мудрости, то въ красотѣ окружающаго прозрѣвали они, начинающіе жить, великую загадку челоуѣческой трудной жизни, далекую цѣль мучительныхъ скитаній по пустынѣ. Такъ по-своему боролась съ Богомъ Елена Петровна. Но одного все же не предусмотрѣла умная Елена Петровна: что наступитъ загадочный день, и равнодушно отвернутся отъ красоты загадочныя дѣти,

проклянуть чистоту и благополучіе, и нѣжное, чистое тѣло свое отдадутъ всечеловѣческой грязи, страданію и смерти.

Было одно неудобство, немного портившее квартиру: ея отдаленность отъ центра и то, что въ гимназію дѣтямъ путь лежалъ черезъ грязную площадь, на которой по средамъ и пятницамъ раскидывался базаръ, наѣзжали мужики съ сѣномъ и лыками, пьянствовали по трактирамъ и безобразничали. Трактирами же была усажена площадь, какъ частоколомъ, а посерединѣ гнила мутная сажалка, по которой испоконъ вѣку плавали запуганные утка и селезень съ обгрызаннымъ хвостомъ; и если развѣнное сѣно и соломинки и давали видъ нѣкоторой домовитости, то отъ конской мочи и всякихъ нечистотъ щипало глаза въ безвѣтренный день. Линочка, въ первый разъ пройдя по площади, сразу возненавидѣла мужиковъ, Саша же отнесся съ крайнимъ любопытствомъ, хотя и испугался немного и задыхалъ чаще. Но скоро привыкъ, и что-то даже понравилось: запахъ ли дегтя или даже конской мочи, окладистыя ли бороды, полушубки, пьяныя пѣсни—онъ и самъ не зналъ. Одно онъ видѣлъ: они были совсѣмъ другіе, чѣмъ всѣ, какъ будто изъ другого царства, и это и есть ихъ главный и огромный интересъ. Очень возможно, что тутъ была обычная романтика ребенка, много читавшаго о путешествіяхъ; но возможно и другое, болѣе похожее на страннаго Сашу: тотъ старый и утомленный, который заснулъ крѣпко и безпамятно, чтобы проснуться ребенкомъ Сашей, увидѣлъ свое и родное въ загадочныхъ мужикахъ и возвысилъ своей темный, глухой и грозный голосъ. Его и услышалъ Саша.

По воскресеньямъ Елена Петровна ходила съ дѣтьми въ ближайшую кладбищенскую церковь Ивана Крестителя. И Линочка бывала въ бѣленькомъ платьѣ очень хорошенькая, а Саша въ гимназическомъ — черный, тоненькій, воспитанный; торжествомъ было для матери провести по народу такихъ дѣтишекъ. И особенно блестяла у Саши мѣдная бляха пояса: по утрамъ передъ церковью самъ чистилъ толченымъ углемъ и зубнымъ порошкомъ.

Нищенки-старухи у кладбищенскихъ бѣлыхъ воротъ относились къ Еленѣ Петровнѣ враждебно и звали ее между собой: «генеральша-то!». Но когда показывалась она съ дѣтьми, то высилали ей навстрѣчу и пѣли ластивыми голосами:

— Матушка! Дѣточки-то! И дасть же Господь! Матушка!..

Отъ знакомствъ Елена Петровна уклонялась: отъ своего круга отошла съ умысломъ, а съ обывателями дружить не имѣла охоты, боялась пустяковъ и сплетенъ; да и горда была. Но тѣ немногіе, кто бывалъ у нея и видѣлъ, съ какимъ упор-

ствомъ строить она красивую и чистую жизнь для своихъ дѣтей, удивлялись ея характеру и молодой страстности, что вносить она въ уже отходящіе дни; смутно догадывались, что въ прошломъ не была она счастлива и свободна въ желаніяхъ.

Но даже и дѣти не знали, что задолго до ихъ рожденія, въ первую пору своего замужества, она пережила тяжелую, страшную и не совсѣмъ обычную драму, и что сынъ Саша не есть ея первый и старшій сынъ, какимъ себя считалъ. И ужъ никакъ не предполагали они, что городъ Н. дорогъ матери не по радостнымъ воспоминаніямъ, а по той печали и страданію, что испытала она въ безнадежности тогдашняго своего положенія.

Это было за семь лѣтъ до Саши, и генераль тогда сильно и безобразно пилъ—даже до безпамятства и жестокихъ, совершенно бессмысленныхъ поступковъ, не разъ приводившихъ его на край уголовщины; и случилось такъ, что пьяный онъ толкнулъ въ животь Елену Петровну, бывшую тогда на седьмомъ мѣсяцѣ беременности, и она скинула мертваго ребенка, первенца, для котораго уже и имя мысленно имѣла: Алексій. И хотя Погодинъ и увѣрялъ, что ударилъ нечаянно,—и, кажется, это была правда,—оскорбленная женщина рѣшительно отказалась отъ дѣтей и всякой близости съ мужемъ, пока онъ совсѣмъ и навсегда не броситъ пить. Цѣлый годъ генераль выдерживалъ пытку и жилъ съ женой въ одномъ домѣ, но какъ посторонній; потомъ на три года развѣхался съ Еленой Петровной и всѣ три года отчаянно пилъ и путался съ женщинами. И снова поселился съ женой, пробуя обмануть ее, и снова развѣхался—пока наконецъ, поблѣднѣвшій отъ злости и неутолимой любви, не расплакался у ея ногъ и не далъ страшной клятвы, обѣта трезвости.

И вторично стала женою его Елена Петровна, и родила ему Сашу, а черезъ полтора года и Линочку; и даже не знали дѣти, что отецъ ихъ пилъ когда-нибудь. Твердо держалъ свою клятву генераль, но уже незадолго до смерти, послѣ одного изъ страшныхъ своихъ сердечныхъ припадковъ, вдругъ прохрипѣлъ женѣ:

— Ты думаешь, я для тебя не пью? Ну такъ знай же, что я тебя ненавижу и проклинаяю... изверги! Убить тебя мало за то, что ты мнѣ сдѣлала.

Но тутъ поняла и она, что нѣтъ и у нея прощенія и не будетъ никогда—и сама смерть не покроетъ оскорбленія, нанесеннаго ея чистому, материнскому лону. И только Саша, мальчикъ ея, въ одну эту минуту жестокаго сознанія возросъ до степени высочайшей, сталъ сокровищемъ воистину неоцѣ-

неннымъ и въ мірѣ единственнымъ. «Въ немъ прощу я отца», — подумала она, но мужу ничего не сказала.

Съ тѣмъ и умеръ генераль. И ничего не знали дѣти.

4. Дѣти растутъ.

Года три жила Елена Петровна спокойно и радостно и уже перестала находить въ Сашѣ то особенное и страшное; и когда первую въ чредѣ великихъ событій, потрясшихъ Россію, вспыхнула японская война, то не поняла предвѣстія и только подумала: «вотъ и хорошо, что я взяла Сашу изъ корпуса». И многія матери въ ту минуту подумали не больше этого, а то и меньше.

Но уже близилось страшное для матерей. Когда появились первыя подробныя извѣстія о гибели «Варяга», прочла и Елена Петровна и заплакала: нельзя было читать безъ слезъ, какъ возвышенно и красиво умирали люди, и какъ сторонніе зрители, французы, рукоплескали имъ и русскимъ гимномъ провожали ихъ на смерть; и эти герои были наши, русскіе. «Прочту Сашѣ, пусть и онъ узнаетъ», — подумала мать наставительно и спрятала листокъ. Но Саша и самъ прочелъ.

— Отчего ты такой блѣдный, Сашенька? Усталъ въ гимназіи?

— Усталъ.

— Тебѣ не хочется говорить? А я думала прочесть тебѣ про «Варяга».

— Мы уже читали.

Она не слышала слова «мы» и видѣла только хмурую блѣдность, вдругъ замѣтила, что обводъ глазъ сталъ словно чернѣе и сами глаза глубже. И не успѣла еще осмыслить замѣченнаго, какъ поднялъ Саша эти самые свои пугающіе глаза и строго сказалъ:

— Ты не имѣла права. Зачѣмъ ты взяла меня изъ корпуса? Ты не имѣла права. Отецъ не позволилъ бы брать, если бы не умеръ.

Она чуть не закричала, но сдержалась и сухо, избѣгая взгляда, сказала:

— Тебѣ четырнадцать лѣтъ! Этого слишкомъ еще мало, чтобы судить о поступкахъ матери. И ты самъ никогда не хотѣлъ военной службы.

— Ты не имѣла права. Люди тамъ умираютъ, а ты меня бережешь. Ты не имѣешь права меня беречь.

— Саша!

Но онъ не сталъ говорить и ушелъ въ садъ, на узенькую дорожку въ снѣгу, которую прочистилъ самъ; и ходилъ до

самых синих сумерек раннего зимнего заката. Если бы он заплакал, знала бы, как поступить, чтобы утишить дитское горе, но страдание молчаливое и сдержанное дѣлало ее безсильною и пугало: слишком много чувствовалось въ немъ непонятной мужской силы. «Говорить такое, а самъ и не волнуется какъ будто», — подумала Елена Петровна про Сашины жуткіе глаза. Но когда подошла къ зеркалу, чтобы оправиться, какъ по женской своей привычкѣ дѣлала послѣ каждого сильнаго волненія, то увидѣла, что и она по вѣшности совсѣмъ спокойна и даже незачѣмъ оправляться. Долго смотрѣла Елена Петровна на свое отраженіе и многое успѣла передумать: о мужѣ, котораго она до сихъ поръ не простила, о вѣчномъ страхѣ за Сашу и о томъ, что будетъ завтра; но, о чемъ бы ни думала она и какъ бы ни колотилось сердце, строгое лицо оставалось спокойнымъ, какъ глубокая вода въ предвечерній сумракъ. Отходя, она провела рукой по гладкимъ волосамъ и рѣшила: «это у насъ характеръ такой.. что жъ, я очень рада».

Тяжелый и опасный разговоръ не возобновлялся по тайному соглашенію матери и сына, а вскорѣ Елена Петровна и совсѣмъ позабыла о холодной и странной вспышкѣ. Къ тому времени съ Дальняго Востока потянуло первымъ холодомъ настоящихъ поражений, и стало неприятно думать о войнѣ, въ которой нѣтъ ни яснаго смысла ни радости побѣды, и съ легкостью безсознательнаго предательства городокъ вернулся къ прежнему миру и сладкой тишинѣ. Успокоились и городскія дѣти, и хотя попрежнему играли въ войну, но охотнѣе именовали себя японцами; но увлекались японцами и взрослые, ставили въ примѣръ ихъ отношеніе къ смерти и даже маленькій ростъ.

Какъ-то вечеромъ, уже въ первыхъ числахъ марта, разразилась послѣдняя свирѣпая метель, и голый садъ загудѣлъ напряженно и страстно; казалось, будто весь онъ поднялся на воздухъ и летитъ стремительно, звеня крылами и тяжело вздыхая обнаженной грудью. Мамы не было дома, она ушла еще послѣ обѣда куда-то въ гости, и Линочка рисовала, когда въ тихую комнатку ея тихо вошелъ Саша и сѣлъ у стола, въ зеленой тѣни абажура. Та же зеленая тѣнь крыла и Линочкино лицо, дѣлая его худѣе и воздушнѣй; а короткіе пальчики, ярко освѣщенные и одни какъ будто живые, проворно и ловко работали карандашомъ и резиной. На Сашу она не взглянула, такъ какъ привыкла къ такимъ посѣщеніямъ, и только черезъ минуту сказала, не поднимая глазъ отъ рисунка:

— Теперь въ лѣсу волки.